

Наука как этический проект

© 2019 г. И.Т. Касавин

Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

E-mail: itkasavin@gmail.com

Поступила 10.05.2019

В статье предлагается проект современной этики науки. Он основан на анализе проблемной ситуации, основных источников и типов этико-научного дискурса, а также его целей. Особое внимание уделяется анализу методологических контrovers «нормативизм-дескриптивизм», «натурализм-трансцендентализм», «формальное-неформальное». Показывается дисциплинарная недоопределенность этики науки, ее срединное положение между нормативной, дескриптивной, прикладной и метаэтикой. Реконструируется ответ науковедения, гуманитарных наук и философской этики на вопрос о возможности этики науки. Обосновывается социальный статус этики науки как «практической философии науки», которая не ограничивается внешней позицией, но включается в практику научного исследования и коммуникации. Выдвигается гипотеза о единстве двух этико-научных векторов, направленных на нормативную соразмерность науки ценностям гуманизма и на совершенствование общества путем ориентации на научные добродетели.

Ключевые слова: этика науки, философия науки, эпистемология добродетелей, общественное благо, норма, ценность, нормативная этика, дескриптивная этика, метаэтика, прикладная этика, натурализм, трансцендентализм, когнитивизм, абсолют.

DOI: 10.31857/S004287440007356-6

Цитирование: *Касавин И.Т.* Наука как этический проект // Вопросы философии. 2019. № 11. С. 90–103.

Science as an Ethical Project

© 2019 г. Илья Т. Kasavin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.

E-mail: itkasavin@gmail.com

Received 10.05.2019

The article proposes a draft of the modern ethics of science. It proceeds from an analysis of the problem situation and then singles out the key sources and the types of ethical and scientific discourse, as well as its objectives. The particular attention is paid to the analysis of methodological controversies of "normativism- descriptivism», «naturalism-transcendentalism", "formal-informal". The article demonstrates the disciplinary underdetermination of the ethics of science, its median position between the normative, the descriptive, the applied ethics, and metaethics. The article traces and reconstructs the responses of the science & technology studies, the human sciences and the philosophical ethics to a question about the possibility of the ethics of science. The social status of the ethics of science receives justification as "practical philosophy of science", which is not limited to an external position, but is integrated into the practice of scientific research and communication. The author suggests a hypothesis about the unity of the two ethic-scientific vectors aimed at normative proportionality of science to the human values and the improvement of society through its orientation on the scientific virtues.

Key words: ethics of science, philosophy of science, epistemology, the virtues of the public good, norm, value, normative ethics, descriptive ethics, meta-ethics, applied ethics, naturalism, transcendentalism, cognitivism, absolute.

DOI: 10.31857/S004287440007356-6

Citation: Kasavin, Ilya (2019) "Science as an Ethical Project", *Voprosy Filosofii*, Vol. 11 (2019), pp. 90–103.

«Капитал, созданный научным багажом, имеет совершенно иную мораль, чем состояния, накопленные в эпоху Вандербильтов и Рокфеллеров, которые нажились на эксплуатации бедных. По этой причине этика российских олигархов не имеет ничего общего с этикой творцов высоких технологий».
Сергей Лесков

Название данной статьи представляет собой парафраз названия пленарного доклада А.А. Гусейнова на Всемирном философском конгрессе в Афинах — «Философия как этический проект». Причина моего выбора в том, что философия науки, как мне представляется, переживает сегодня обостренный интерес к этике науки. Этот интерес имеет две стороны. Наука и техника нуждаются в этической рефлексии, чтобы не входить в серьезное противоречие с ценностями гуманизма. Но и сама наука может дать этический урок современности: этос науки выступает достойным образцом для общественной морали. Иное дело, что артикуляция и ценностей гуманизма, и норм научного этоса не лежит на поверхности, но, напротив, является проблемой и требует обстоятельного исследования. Вторая часть этой проблемы и составляет предмет данной статьи.

Проблемная ситуация

Современное состояние этики науки во многом определяется проблемной ситуацией, задаваемой совокупностью внешних и внутренних факторов. Отметим, по крайней мере, три из них. Это развитие самой науки и техники, философской и специально-научной рефлексии о науке, контрверзы философской этики и эпистемологии.

Итак, во-первых, какая из черт современной науки является решающей применительно к данной теме? Проблематика этики науки возникает первоначально в форме «прикладной этики» социальной ответственности ученых после Второй мировой войны на фоне применения атомной бомбы и разоблачения преступлений нацистов. В дальнейшем выясняется, что практика науки, которая прогрессирует во все ускоряющемся темпе, сталкивается с многочисленными рисками, но отстает от моральной оценки и социального контроля. Особенно актуализируются трудности регуляции научной деятельности в связи с попытками перевода науки в режим рыночной экономики. В частности, фундаментальные исследования, не давая непосредственного и быстрого экономического эффекта, потребляют, вместе с тем, достаточно инвестиций, чтобы оказаться предметом внешнего контроля и оценки. Такое внешнее управление сталкивается с серьезными трудностями в поиске адекватных формальных критериев эффективности и приобретает исключительно ограничительный характер. Напомним, что внешнее управление в экономике вводится на предприятии именно тогда, когда средства внутреннего управления исчерпаны и дальнейшее развитие событий чревато банкротством. Такого рода управление наукой, когда министерство устанавливает объем работы, показатели эффективности и тарифы оплаты, предполагает, что наука перманентно находится в ситуации кризиса и должна жестко контролироваться. Можно иронизировать на тему, что чиновники всерьез воспринимают идею К. Поппера о науке как перманентной революции или, напротив, куновский образ науки как консервативного предприятия. На деле же, внешний управленческий взгляд не схватывает содержание научной деятельности. Недостаточно иметь высшее образование, чтобы понимать природу науки, для этого нужно в ней поработать практически, как исследователь и руководитель. Лишь в этом случае достигается понимание ограниченности формальных показателей и даже напротив: наиболее креативно значимые отношения в науке весьма неформальны. Отсюда следует, что невозможно ограничиться правовым регулированием научной деятельности (законом о науке, постановлениями правительства и пр.), если за научным трудом признается особый статус. Наука руководствуется неформальным моральным этосом, следование которому встроено в научную коммуникацию и обеспечивает научное исследование. Приоритет в оценке и контроле надлежит отдать этическим нормам науки. Таким образом, дилемма «формальное — неформальное» разрешается в пользу неформального.

Во-вторых, развитие философской и специально-научной рефлексии о науке показывает исчерпанность демаркационистского подхода. Методологический анализ научного знания, абстрагированного от субъекта и социально-культурного контекста, дает одномерную картину. Происходит расширение традиционного предмета философии науки, который отныне включает не только знание как таковое (*justified true belief*), но также научную деятельность и коммуникацию. Возникает социальная философия науки [Kasavin 2017]. Тем самым философия науки тесно смыкается с другими науковедческими дисциплинами — историей, социологией, психологией, антропологией, политэкономией и этикой науки. Это и есть переход от философии науки к тому, что именуется «STS» (*science and technology studies* или *science, technology and society*). Таков еще один аргумент в пользу резервирования надлежащего дисциплинарного статуса для этики науки.

В-третьих, общефилософские контрверзы обнаруживают пересечения между этическим и эпистемологическим дискурсом. Среди них — антиномии «дескриптивизм — нормативизм», «натурализм — трансцендентализм», «ценностное — моральное». Их анализ приводит к снятию, взаимопереходу противоположностей друг в друга. Так, в понятии «норма» выявляются, по крайней мере, два смысла. С одной стороны, норма фиксирует среднестатистическое состояние (погоды, прибыли, здоровья,

речи) — это ее описательный, или натуралистический смысл. С другой стороны, те же языковые нормы как отражают, так и нормируют речевую практику, придавая некоторым ее образцам особую ценность, выходящую за пределы эмпирического употребления. Подобный же анализ осуществляется в рамках *virtue epistemology* (эпистемологии добродетелей) по отношению к когнитивным ценностям. Они трактуются с акцентом на когнитивное содержание описательным и натуралистическим образом [Sosa 1991], или же фокусируют внимание на нормативно-моральном измерении знания с использованием трансценденталистского подхода [McDowell 1998].

Проблема

Анализ теоретических и практических вызовов, составляющих данную проблемную ситуацию, позволяет сформулировать центральную проблему этики науки следующим образом. Необходимость определить характер и способы нормативного регулирования неформальной научной коммуникации сталкивается с неопределенностью дисциплинарного статуса этики науки в плане соотношения философской и специально-научной предметности, методов и целей. Пусть этика науки — нормативная теория научной деятельности и коммуникации. Но каков же ее специфический предмет? Зачем говорить об этике науки, почему нельзя ограничиться правовым регулированием? Иными словами, как возможна этика науки?

Ответ на этот вопрос требует позиционирования этики науки в рамках этического дискурса вообще, т.е. в контексте известных типов этической рефлексии. Этические типологии такого рода, впрочем, не всегда следуют установленным логико-методологическим стандартам. Принято выделять, например, нормативную, дескриптивную и метаэтику, используя единое основание — метод анализа. Примерно таково же различие теоретической и прикладной этики. Однако не совсем ясно, полностью ли включает теоретическая этика нормативную этику и метаэтику или лишь частично совпадает с ними. Как соотносится прикладная этика с нормативной и дескриптивной этикой? Что входит в понятие «прикладная этика» вообще? Можно ли строго определить понятие «профессиональная этика»? Следует ли ограничить медицинскую этику или этику науки лишь профессиональной этикой? Ясно, что типологии такого рода отражают исторический путь развития этики, науки и всего общества и не могут быть сведены к простым логическим отношениям. И вместе с тем нельзя игнорировать возникающие отсюда теоретико-методологические проблемы.

Нормативная этика: автономия морали

В классической философской традиции, идущей от Аристотеля, этика трактуется как учение о том, что людям должно делать, какие нормы предписываются человеческому поведению. Основными вариантами нормативной этики являются аристотелевская теория добродетелей, априористская этика И. Канта и утилитаризм Дж. Бентама. Классическая философия, будучи главным источником нормативной этики, исходит из разграничения трех предметных областей этической рефлексии: моральной природы человека как условия морали, морального поступка как реализации природы человека и социальных следствий моральной деятельности. Мы будем исходить из того, что философская, или нормативная этика всегда автономна, исходит из собственного абсолюта, а не гетерономна, если использовать известное разграничение А.А. Гусейнова [Гусейнов 2001]. При этом следует учитывать самореферентность абсолюта, который ни на что иное опираться не может. Дж. Мур выразил это в адекватном определении добра как предмета этики только через добро: «На вопрос: «Что такое добро?» я скажу, что добро — это добро, и это весь мой ответ» [Мур 1984, 63]. В этом смысле философская этика является вызовом по отношению ко всем иным способам исследования нормативности, которые исходят из разных и даже относительных абсолютов или их частных свойств.

Дескриптивная этика: натуралистический подход

Строго говоря, дескриптивная этика не является не только философской дисциплиной, но даже сколько-нибудь единой областью знания. Она изучает с помощью

эмпирических методов различные исторические, социологические, антропологические, психологические параметры нравов, обычаев, культурных традиций и практик, обыденных представлений, поскольку они относятся к нравственности и нормативности. Дескриптивная этика реализует натуралистический подход в том же смысле, в каком У. Куайн и его последователи говорят о натурализме в эпистемологии. В рамках дескриптивной этики трудно и не нужно проводить резкую грань между нравственными, социальными, правовыми, религиозными, познавательными и иными нормами. Описание призвано дать феноменологию, которую в дальнейшем исследуют и анализируют: систематизируют, классифицируют, объясняют, критикуют. Поэтому значительный вклад в описательную этику вносят все социально-гуманитарные и даже некоторые естественные науки (от психологии и этнографии до социобиологии и нейронауки). Блестящими образцами дескриптивной этики являются «Фольклор в Новом завете» Дж. Фрэзера, «Эссе о даре» М. Мосса, труды Ж. Пиаже [Piaget 1932] и Л. Кольберга [Kohlberg 1981], А. Броделя [Braudel 1993] и М. Оссовской [Оссовская 1987]. Мы рассматриваем ее как область междисциплинарного исследования, предоставляющую эмпирические ресурсы и эвристические инсайты для философских обобщений.

Аналитическая метаэтика

Этический подход с точки зрения возможности морали и этики как таковых получил название «этики второго порядка», или метаэтики. Хотя в явном виде он был заявлен в книге Дж. Мура «Принципы этики» (1903), на деле в истории этических учений можно проследить его формирование уже с Платона и Аристотеля. Метаэтика как раздел аналитической философии фокусируется на философско-методологических вопросах о природе и основаниях морали с точки зрения того, как *можно говорить* о морали, т.е. применительно к объему и содержанию моральных терминов. Дискуссии в метаэтике нередко посвящены обсуждению того, относятся ли этические термины и высказывания к фактам объективного мира, или они редуцируемы к субъективным состояниям сознания, эмоциям; содержит ли этика знание или нет; какова природа этого знания; какова структура этических аргументов и т.п. Метаэтика обсуждает способы обоснования этических теорий (натурализм, когнитивизм, социологизм), т.е. формы связи морали и этики с науками, культурой, обществом, биологической природой человека. Одним из распространенных методов метаэтики являются мысленные эксперименты (втягивание на распутье, кантовский лжец, дилемма вагонетки) или формулировка и анализ теоретических контрверз («гильотина Юма» М. Блэка). Метаэтика, вероятно, несводима к лингвистической философии так же, как к ней несводима современная метафилософия вообще [Williamson 2018].

Прикладная этика

Со второй половины XX века этический дискурс претерпевает практический поворот. Его предметом все чаще становится регуляция отдельных типов социального поведения, причем различие между нормами разного рода утрачивает четкость и даже актуальность. В сферу прикладной этики попадает сравнительный анализ моральных, правовых, религиозных норм применительно к решению конкретных проблем (защита чувств верующих), соотношение морали и экономики (социальное государство), морали и политики (запрет смертной казни), морали и биомедицины (аборты, эвтаназия, клонирование), морали и техники (трансгуманизм), морали и природы (экология). Возникают многочисленные направления исследования типа медицинской этики, биоэтики, техноэтики, нейроэтики, экологической этики. В них, как правило, смешиваются, с одной стороны, виды практической деятельности в рамках некоторой предметной области (природа, организм, мозг, техника), а с другой — научные дисциплины, подлежащие этическому регулированию. Например, нейроэтика совмещает, казалось, противоположные вещи: попытку объяснить моральный поступок с помощью нейрофизиологических теорий и данных с этической оценкой той же нейрофизиологии. Особым разделом прикладной этики оказывается этика, разрабатывающая системы профессиональных моральных норм:

бизнес-этика, этика педагога, адвоката, журналиста, бухгалтера. И здесь мы как раз встречаем упомянутое выше амбивалентное функционирование норм. Какова цель прикладной этики – описание нормативных структур наличной практики или предписывание последней неких норм? И какова же природа последних? Если она есть результат индукции от практики, то зачем предписывать практике нормы, которые в ней и так работают? В противном случае приходится допустить, что прикладная этика несамодостаточна; она лишь применяет те нормы, которые вырабатывает нормативная этика и обосновывает метаэтика. Но тогда вступает в силу аргумент от гильотины Юма: применимость априорных норм на практике не может быть обоснована логически.

Отдельный вопрос – природа этики науки. Представляет ли она род или вид по отношению к прикладной и профессиональной этике? И как она соотносится с нормативной, дескриптивной, прикладной и метаэтикой? С формальной стороны, этика науки принадлежит отдельной предметной и социальной области, а потому представляет собой частный вид профессиональной этики. С другой стороны, этика науки отличается высокой степенью рефлексивности, направленностью на чрезвычайно сложную сферу деятельности и не сводится к формулировке кодексов поведения. Помимо этого, в этике науки высокая степень общности соединена с определенной дифференциацией. Ее методы применимы ко всем наукам от астрономии и геологии до философии и филологии, но в некоторых науках востребована предметно-специфическая этическая рефлексия (медицинская этика, например). Еще одна особенность этики науки в том, что философия и наука в равной степени являются ее источниками. Наконец, предметом этики науки выступает самая современная и динамичная часть современного общества, которая не только обуславливает развитие всех остальных частей, но собственно, и представляет современность как таковую. Возникает гипотеза, что этика науки являет собой наиболее всеобъемлющий вид этики, может быть, даже современный тип этики вообще.

Три источника этики науки

Современное состояние этики науки в значительной мере определяется контекстом, ситуацией, набором ее детерминант. Мы выделим три из них. Это развитие философии науки, науковедения и научной практики; историко-антропологический анализ нормативного регулирования; эволюция собственно философской этики. Соответственно можно различить три проекта, по-своему отвечающих на вопрос о возможности этики науки.

Ответ науковедения

Нормативно-методологические направления в философии науки, представленные разными вариантами логического эмпиризма и критического рационализма, уделили немалое внимание «кодексу научной честности» (И. Лакатос). Несмотря на стремление вывести за пределы науки ценностно-метафизическое измерение деятельности ученого, философы науки впускали его через другую дверь, через принятие на себя, казалось бы, чисто логико-методологических обязательств. Выявление ценностной нагруженности научной методологии стало одним из достижений постпозитивистской философии науки (П. Фейерабенд, Р. Рорти). Параллельно этому, сама научная практика вынуждала обратить внимание на неявные нормативно-ценностные структуры научной деятельности и коммуникации (М. Полани), в особенности, на фоне того факта, что детальное правовое регулирование науки отсутствует в большинстве стран. И, напротив, там, где оно присутствует, оно, скорее, сдерживает развитие научных исследований.

В отличие от права, этос науки выступает не столько как свод практических предписаний или запретов, сколько как «моральный зонтик» или Дамоклов меч: соблюдение общих требований этоса есть гарант добросовестности и позволяет меньше заботиться о следовании формальному праву.

Контрверза писаного права и неявной морали в науке может быть для наглядности обозначена как спор Афины и Арахны. Их известное противостояние, трагическое для

Арахны, состоит вместе с тем в фактической победе земного, светского, неформального начала над олимпийским, сакральным и формальным. Однако формальное начало мстит за поражение и заставляет неформальное скрываться в глубине природы в виде паука, плетущего свою пряжу. Растущая профессионализация и десакрализация науки, идейный выход из-под диктата теологии и практический уход из государственной вертикали путем приватизации по-новому ставят перед наукой проблемы свободы и ответственности, призвания и профессии. В XX в. это приводит к этическому повороту, когда на место главного объекта философской рефлексии о науке выходит неформальная коммуникация. Укажем на два главных фактора этой новой ориентации — внутренний и внешний. Во-первых, в науке (и искусстве) особую роль играет именно неформальное общение, образующее естественный контекст творческого процесса. Ведь творческие профессии культивируют человеческую свободу и потому слабо поддаются формальному регулированию. Во-вторых, современную науку подвергают жесткому испытанию рынком по критериям коммерческой и технологической эффективности, в то время как рискованность честной творческой деятельности остается весьма высокой. Поэтому соединение этих факторов в науке как коллективной деятельности приводит к попыткам «формализации неформального» — к созданию этоса науки (Р. Мертон, биоэтика, эпистемология добродетелей и пр.).

Этический поворот во многом укладывается в так называемую «вторую волну» *science studies*, обязанную социологии науки и научного знания. Именно тогда, на основе первых полевых исследований науки возникает проблематика *неклассической этики науки*. Ее центральным пунктом стало осознание того, что в науке истину порой очень трудно отличить от лжи, а ученые не всегда стремятся к истине (переход от четырехкомпонентного этоса науки Р. Мертона [Merton 1972] к девяти амбивалентным парам [Merton 1973]). Понятия хорошей и плохой, честной и лживой науки (*fair and fraud science*) приобрели популярность в социологии науки и научного знания уже с середины XX в. С тех пор не только поиски нового истинного знания, но и сознательные отклонения от этого поиска в корыстных или идеологических целях становятся предметом науковедческого исследования [Неретина, Огурцов 2010].

«Третья волна» исследований науки (термин Г. Коллинза) может быть названа «практической философией науки». Ее смысл проще всего понять по аналогии с лозунгом Я. Хакинга, выраженном в названии его книги «Представление и вмешательство» [Hacking 1983]. Он обосновывает научный реализм необходимостью учета точки зрения ученого-экспериментатора: научное познание состоит не только в «отражении» объекта, но в активном вмешательстве в природные процессы. Точно так же трансформируется и этика науки, которая от внешней позиции («надзирать и наказывать», по М. Фуко) переходит к сотрудничеству, участию в научных дискуссиях и практиках в интересах «хорошей науки»: «рассмотрение этических проблем является не дополнительным, но интегральным и существенным элементом исследовательской практики» [Editorial 2018, 5].

Б.Г. Юдин выделяет три фундаментальные контroversы в этой области. Во-первых, развитие науки подчинено объективной логике, так что отказ какого-нибудь конкретного ученого от участия в потенциально опасных для человека и общества исследованиях ничего не изменит. Однако социально ответственное поведение позволяет хотя бы отчасти избежать негативного развития событий. Во-вторых, негативные эффекты научно-технического прогресса порождаются не собственно научной деятельностью, а теми социальными силами, которые контролируют практическое применение научно-технических достижений. Однако наука и ученые могут играть какую-то роль в определении того, как именно используются эти достижения. В-третьих, результаты фундаментальных исследований принципиально непредсказуемы (в противном случае их проведение не имело бы смысла), и поэтому проблема социальной ответственности значима лишь там, где речь идет о прикладных исследованиях. Однако при планировании и проведении фундаментальных исследований следует учитывать уже имеющийся у человечества горький опыт и пытаться предвидеть и предотвращать возможные негативные последствия [Юдин 2018].

Отличительной особенностью этого этапа является то, что дисциплинарные контуры этики науки расплываются; она включается в интегральные программы science & technology studies (science, technology and society; science, technology and human values). Этическая компонента, таким образом, обнаруживается в понятии «зоны обмена» (П. Галисон), в «интерактивной экспертизе» (Г. Коллинз), в «гуманитарной экспертизе» (Б.Г. Юдин), становясь неотъемлемым элементом научно-технического проекта.

Ответ гуманитаристики

Ответ гуманитарных наук на вопрос о возможности этики дает проследивание дифференциации монономы — синкретической формы мифического сознания и универсального способа социальной регуляции, возникшей вместе с человеком [Першиц 1979]. Эта дифференциация призвана объяснить генезис других способов нормативной регуляции — религии, права, морали — в процессе формирования социальных структур и потребностей личности. Понимание мифомагической культуры Б. Малиновским можно использовать для уточнения этой картины [Малиновский 2015]. В частности, оно позволяет указать на главное направление дифференциации монономы, которое проходит по оси разделения формальных и неформальных способов деятельности и общения. Фундаментальным критерием разделения форм деятельности в первобытном обществе, согласно Малиновскому, является степень риска. Именно рискованная, наиболее ответственная и нестандартная деятельность подлежит формализации, и для этих целей изобретается специальный (магический) способ регуляции. Он предполагает сакральную онтологию, высокий статус которой выражается в строгой регламентации и санкциях (ритуал, в перспективе — писаное право). Низкорисковые, стандартные ситуации с профанной онтологией остаются в сфере неформальной (обычной, квазиморальной) регуляции.

Обнаружение особого типа нормативности, работающего в нестандартных ситуациях, привлекает внимание к когнитивному статусу *аномалии* как феномена ценностного сознания. Исторические, психологические, социологические исследования нормативности в рамках дескриптивной этики заставили философов признать в качестве научного факта, что ложь, обман, манипуляция, аморальное, девиантное поведение есть не просто массовое эмпирическое явление, но и *такой же влиятельный архетип*, как истина и моральный долг. Зло и добро конкурируют в человеке не только в силу его дурной субъективности, но и в силу экзистенциальных рисков, неизбежной социальной несправедливости, фундаментальной фрагментации и поляризации общества. Жить морально рядом с аморализмом, находить компромисс добра и зла — таков категорический императив *неклассической этики*, претендующей на эмпирическую релевантность. На этом пути приходится вновь пересматривать антиномии априорного и апостериорного, объективного и субъективного, личного и социального. Кантовские индивидуалистические заветы «иметь мужество жить собственным умом» и «действовать так, как если бы собственное поведение было всеобщим законом» переосмысливаются в свете коммуникативной максимы «Худой мир лучше доброй ссоры». «На наш поствикторианский взгляд, злодеи более не воспринимаются как чистое зло. Мы рассматриваем каждого человека как отчасти хорошего и отчасти плохого. Но увлеченность обнаружением самообмана, по-видимому, сохраняется. Возможно, мы унаследовали тенденцию к пониманию обмана как негодяйства, используя одно-единственное преступление против правды, чтобы пометить шельму. Иногда нашим доверием злоупотребляет и впрямь последовательно лживая личность. В других случаях уже один случай лживой саморекламы надежно указывает на посредственность» [Guenin 2005, 227]. Под влиянием такой переориентации в этике науки обнаруживаются типы самообоснования, которые уже знакомы из истории философской этики. Здесь Аристотель и Кант возобновляют свой спор с Бенхамом и Куайном по поводу автономности или натурализации; продолжается конкуренция программ этики науки как дескриптивного, нормативного, прикладного или метаэтического дискурса.

Ответ философии: нормативная этика

Для классической нормативной этики моральное поведение есть норма, а аморальное — отклонение от нормы, аномалия, случайность, обязанная внешним обстоятельствам или когнитивному дефициту. Как в «Анне Каренине»: все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. Это в точном смысле классическое учение: истина одна, а заблуждаются все по-разному. Как же нормативная этика отвечает на вызов дескриптивной этики, обнаружившей фундаментальность аномалии и архетипичность зла?

Нормативная этика ведет свою историю от Сократа, для которого эпистемический критерий морали (правдивость) безусловен. Когнитивизм такого рода [Максимов 2001] производит впечатление философской наивности: знание норм морали, как известно, не обеспечивает моральное поведение. В чем же рациональное зерно античного когнитивизма?

Для ответа на данный вопрос вспомним, что именно платоновский Сократ впервые ввел представление о морали как законе, возвышающемся над эмпирическим поведением. И это его нововведение было подобно, по словам А.Ф. Лосева, интеллектуальной революции. «Его постоянное стремление анализировать традиционные человеческие понятия, добиваться их ясности, стараться сохранить все лучшее и сокрушить все худшее в них естественно вызывало у многих его современников недоумение или боязнь, а некоторые даже испытывали ужас и испуг перед такого рода еще небывалым в Греции критицизмом» [Лосев 1990]. Моральный человек, по Сократу, возвышается над всеми остальными людьми, запутавшимися в мелочных делах, в хитросплетениях жизни, в соблазнах и рисках. Сократ уподобляет его античному герою, ведомому трагической судьбой; она известна ему, как Ахиллу, заранее, но уклониться от нее постыдно. Тем самым этика Сократа, с одной стороны, освобождает человека от неопределенности будущего, но, с другой стороны, заставляет его мерить свои поступки самой высокой планкой, перед которой отступает даже смерть. «Моральная философия Сократа исходит из ясности и решенности того, как должно жить. Поэтому человек в ней не стоит в мучительной и темной ситуации этического выбора. Можно даже сказать, что Сократ не оставляет человеку морального выбора: выбор предопределяется знанием, поскольку добродетель это знание, а пороки и зло творятся по незнанию, неведению» [Нерсесянц 1977, 29]. Такое представление о морали в самом деле представляло собой *новое знание*. Люди не подозревали о том, что их подлинная природа описана Гомером, они думали, что все это относится лишь к богоравным героям. Подобно тому, как Гомер познакомил людей с их богами, Сократ познакомил их с моралью. Апеллируя к миру идей, он спустил этот мир на грешную землю.

И. Кант следует тем же путем, отвечая на вопрос о возможности морали бескомпромиссно. У Канта нет под рукой общедоступной мифологии для обоснования этического героизма: он использует вполне секулярные понятия универсального закона, приоритета цели над средством, долга над склонностью, собственного разума над общественным мнением. Эпистемический критерий (правдивость) является безусловным и для него. Похоже, что лишь в одном месте Кант отступает от этого критерия в «Лекциях по этике» (кейс грабителя), но и там это, скорее, вставка его студента Коллинза (в «Критике практического разума» также дается список возможных исключений, хотя они, скорее, нарушения). Для Канта этика возможна только если сфера априорного всеобщего и необходимого знания обладает способностью направлять человеческие действия в мысли и действительности. Говоря проще, если существует сфера нормативности, то есть и этика, которая эту сферу разъясняет и обосновывает. Итак, все упирается в априоризм, связь которого с реальностью в рамках учения Канта не может быть обоснована рациональным образом. Моральность, по существу, оказывается интериоризированной конкретно-исторической социальностью, а отступления от морали — эгоистической субъективностью, у которой есть лишь психологические основания. Поэтому этика Канта остается философской, абстрактной этикой, которая не имеет эмпирического применения. Люди уже давно знают, каковы нормы морали, но следуют им весьма умеренно. В применении

«практической философии» на практике царит неопределенность. Современная философско-этическая рефлексия по поводу науки, вместе с тем, не оставляет попыток перевести разговор в практическую плоскость.

Перспективы этики науки

Макс Вебер в своей лекции «Wissenschaft als Beruf» (1917) указал на острый разрыв между наукой как профессией и наукой как призванием, возникший к концу XIX в. Если эту дилемму переформулировать как коллизию норм формальной научной коммуникации и способа неформального общения в науке, то она может быть исходным пунктом современной этики науки. Призвание как раз и реализуется в неформальном общении, которое имеет своим предметом этика науки *per se*.

Попробуем определить профессию как зрелую стадию развития определенной практики, которая характеризуется, по крайней мере, пятью отличиями. Среди них, во-первых, обязательный период ученичества, когнитивной социализации, приобретение базовых знаний и навыков. Во-вторых, профессионализм предполагает специализацию в четко определенной предметной области; профессионал отказывается от энциклопедизма, свойственного ученым прошлых эпох. В-третьих, профессионал разрабатывает и практикует специальные методы, свойственные именно этому виду деятельности. В-четвертых, профессиональная деятельность, практикуемая в качестве систематического способа жизнеобеспечения, требует материального вознаграждения за труд. В-пятых, профессия является социальным институтом, а не субъективной мотивацией. И напротив, призвание обычно понимается (и Вебер придерживается именно этого) как когнитивно-экзистенциальная настроенность на определенный вид деятельности. Она возникает раньше профессии как социальной роли и института и является формой ее внутренней мотивации. При определенных условиях призвание объективируется и превращается в профессию.

Профессиональная наука, по Веберу, расколдовала объективный мир, лишив его тайны. Современный проект этики науки должен, я полагаю, так же расколдовать человеческое сознание в том аспекте, который относится к научному призванию и неформальной научной коммуникации. Это возможно при взгляде на сознание как существующее за пределами отдельной человеческой головы или индивидуальной психики, как воплощенное в культуре, в артефактах деятельности, в системах коммуникации. *Понять сознание как феномен, соразмерный обществу, значит оценить его во всем масштабе своей мощи как фактор, реально определяющий перспективы цивилизации.* В таком случае этический призыв к ученому и обществу в целом не останется бессильным укором индивидуальному эгоизму, а моральный закон превратится в закон социальной жизни. И призвание ученого станет главным основанием для выбора профессии, поскольку сама наука выступит в качестве высокой культурной ценности, приобщение к которой является моральным долгом современного человека. Благодаря этому изменятся отношения между наукой и обществом: от науки будут ждать не только технологий, но морального импульса для общественного развития.

Сегодня этика науки предстает как транслятор гуманистических норм и ценностей на уровень научной деятельности и коммуникации, что соразмеряет науку с требованиями общества. Однако общество не всегда предоставляет адекватные моральные образцы для науки. И потому наука обязана изнутри вырабатывать этические регулятивы, ориентируясь на собственную историю. Вместе с тем, исторически формы научности во многом определены социокультурным контекстом. И потому выработка этоса науки не является чисто внутренней научной задачей, но предполагает социальный критицизм. Этос науки оказывается формой критической рефлексии, направленной одновременно на саму науку и на общество, в котором она существует. Нормы этики науки не только задают высокую планку научной деятельности и требуют ее человекообразности; они также взыскуют хорошего общества, способного по достоинству оценить научные открытия и использовать их на благие цели. Современная этика науки, поэтому, начинает поиск связей с STS и философией науки, с одной стороны, и с социальной философией, с другой, и это образует актуальную перспективу.

В рамках этики науки и техники динамично развивается концептуальный тезаурус. Уже введены понятия плохой практики (malpractice, misconduct), честной и лживой науки (fair and fraud science) [Sismondo 2010]. Начинают проясняться понятия достоинства знания [Пружинин и др. 2016] интеллектуальной честности (intellectual honesty) [Guenin 2005] и добросовестности (integrity, conscientiousness) [Юдин 2018], но этой работе еще далеко до окончания.

Новые импульсы этике науки дает изучение кодексов разных научных дисциплин. В прикладной и профессиональной этике накоплен огромный материал из научной и общественной практики, ждущий критического анализа и осмысления. Самосознание и практика любой, самой отвлеченной науки включает набор идеалов, норм, ценностей, добродетелей и грехов. Например, Н.Н. Непейвода так суммирует нормы негативной научной этики математика: «Математику неприлично заниматься тем, что не допускает точной формулировки, и самому формулировать утверждения, которые могут быть поняты двояко. Ему неприлично выдавать правдоподобное утверждение за доказанное, он имеет право утверждать лишь то, для чего он имеет полное доказательство. Ему нельзя утаивать открытое им доказательство, он обязан предоставить его на максимально широкое обсуждение, для проверки всеми заинтересованными лицами. Если кто-то нашел ошибку в доказательстве, математик не имеет права настаивать на своем, а обязан поблагодарить за помощь и публично объявить о своей ошибке и пересмотреть доказательство или формулировку теоремы. Если кто-то нашел опровергающий пример для доказанного им утверждения, автор доказательства даже не имеет права требовать, чтобы нашли еще и ошибку в его доказательстве, текст, объявленный доказательством, уже никого не интересует» [Непейвода 2000, X].

Особое внимание привлекают ключевые контрверзы самосознания науки, хотя и не в том идеализированном виде, в котором их представил структурный функционализм [Merton 1965]. Многие из них как раз и демонстрируют коллизию внешнего и внутреннего. Это отличает, например, конфликт результативности и добросовестности. Так, профессиональный ученый должен оправдывать эффективность вложенных в него инвестиций, и достигать новых и признанных научных результатов. Среди его задач также утверждение своего авторитета и приоритета, победа в конкуренции с другими учеными. При этом в той же степени он обязан обеспечивать обоснованность и надежность своих результатов, не принимая во внимание попытки других исследователей его опередить. Тот, кто отдает приоритет результативности, рискует пожертвовать добросовестностью, и наоборот.

Посмотрим, какое решение данный парадокс может получить в отношении к плохой научной практике. Как показывает анализ, рациональные аргументы, осуждающие плохую практику, оказываются в науке недостаточными. Критика и санкции за плохую практику не дают однозначного практического эффекта. Ведь они отнимают время и силы у добросовестных ученых и тем самым дают конкурентное преимущество их недобросовестным противникам. При этом плохая практика приносит столько выгоды посредственным ученым, что они готовы терпеть риски морального осуждения, применяя весь арсенал средств массмедийного пиара своих мнимых достижений. Пусть даже «воздействие новых информационных технологий имеет противоположную направленность: облегчая коммуникации ученых и постепенно интегрируя международное научное сообщество, они практически способствуют реализации таких норм, как универсализм, коллективизм и организованный скептицизм» [Мирская 2005, 24]. Все равно, аргументы против плохой практики не дают выгоды в смысле результативности. Однако этика науки способна показать, что они направлены не столько против конкретных нарушителей, сколько на утверждение морального суперэго их противников, на создание «организационного мифа науки» [Fuchs 1993]. Это и есть призвание, причастность которому оправдывает приоритет добросовестности перед эффективностью. Тем самым, сопротивление плохой практике не бессмысленно: оно служит самосознанию хороших ученых, убеждая их в возможности сохранения научной солидарности и морально-эпистемической автономии науки, благотворной для общества в целом. Обоснование возможности теоретического решения данного парадокса является внутренней задачей этики науки.

«Все люди от природы стремятся к знанию», — гласит первая фраза «Метафизики» Аристотеля. Главное гуманитарное предназначение науки состоит в производстве знания. Тем самым наука не только обеспечивает то самое напряжение, которое философы называли то любопытством, то удивлением, а то и любовью к мудрости. Благодаря этому люди получают в свое распоряжение инструмент отделения знающих от незнающих: наука производит социальную стратификацию, без которой нет развития. Эту мысль обосновывает М. Каллон в форме тезиса «Наука как общественное благо». В чем состоит и как обеспечить добросовестность ученых, их солидарность, автономию науки, с одной стороны, и неутилитарное и благотворное влияние науки на общество, с другой? К науке нельзя подходить как обычному продукту общественного производства, существующему и оцениваемому по экономическим, рыночным законам и стандартам [Callon 1994]. Научное знание самоценно, но одновременно именно оно же является важнейшим ферментом культурной и общественной динамики, без которой наступает тотальная стагнация и в экономической жизни. Производство наукой когнитивного разнообразия есть условие современного общественного развития. Отсутствие монополии на науку, баланс общественной и частной собственности в науке, определяемый развитием институтов науки и институтов гражданского общества, делает науку благом для всех — для производителей знания и его потребителей, для инвесторов и спонсоров, для нынешних и грядущих поколений.

Не только экономическое, но и политическое состояние резонирует с этикой науки. Современная наука — это очень большое предприятие, Big Science, и массивы информации, количество людей, которые в этой науке фигурируют, огромны. Сегодня высшее образование распространено как никогда широко. Однако люди, работающие в современной науке, не проходят такого отсева на верность призванию, на добросовестность, который преодолевали ученые люди Нового времени. Помимо всего, наука как социальный институт и государственные службы, управляющие наукой, продуцируют и детализируют нормы и критерии эффективности научных исследований. В силу этого научная деятельность подлежит постоянной рефлексивной оценке. В отсутствие норм нельзя обнаружить и отклонения от нормы, но поскольку норм огромное количество, то и отклонения умножаются многократно. Наконец, наука существует в обществе, и социальные пороки (коррупция, авторитаризм, манипуляция, идеологический диктат, недобросовестность, корыстолюбие) транслируются в науку. Чтобы приносить общественное благо, наука должна встать на позицию социального критицизма и обрести автономию от «плохого общества». Так политическая философия науки [Касавин 2015] проясняет внешнюю задачу этики науки.

Итоги

Итак, в рамках этики науки на свой лад воспроизводится Кантовская проблема преодоления «гильотины Юма», или эмпирической применимости априорного морального закона. Она переформулируется как противостояние двух программ — «минимальной этики» и «глобальной этики». Первая предписывает нормы науке, соразмеряя ее с ценностями гуманизма. Вторая практикует социальный критицизм, побуждая общество ориентироваться на «хорошую науку». Этика науки, понятая исключительно как «минимальная», прикладная этика, рискует превратиться в квазиправовую регламентацию и кодификацию — набор мелочных ограничений творческой деятельности. Чтобы минимизировать этот риск, она должна сохранять гордую апелляцию к недостижимому абсолюту. Лишь стремление к нему соразмерно демиургическим претензиям творческого ученого, и лишь это способно быть вершиной нормативной иерархии. Именно для науки наиболее актуальна дилемма «творческая свобода — нормативное регулирование». Но не следует забывать, что такая наука сформировалась в определенных социально-культурных условиях и что всем априори и абсолютам суждена рефлексивная историзация. Этика науки направлена не только внутрь, но и вовне науки.

Если наше рассмотрение правомерно, то обеспечить единство всех типов этической рефлексии под силу лишь этике науки. Сегодня она предлагает *практическое*

разрешение «гильотины Юма» в виде особого варианта гуманитарной экспертизы и медиации в зонах обмена. На этих коммуникативных площадках ученые, инженеры, предприниматели, чиновники, политики и простые налогоплательщики устанавливают, критикуют и пересматривают нормативные параметры научно-технических и технологических проектов. И при этом все они учатся добродетели, ориентируясь на моральный пример выдающихся ученых.

Источники и переводы – Primary Sources and Russian Translations

Лосев 1990 – Лосев А.Ф. Личность Сократа; его социально-политические идеи // Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 1 // Философское наследие, т. 112. РАН, Институт философии. М.: Мысль, 1990. С. 685–690 (Losev A. F. *The Personality of Socrates; His Social-political Ideas*. In Russian).

Мур 1984 – Мур Дж. Принципы этики /Пер. с англ. Коноваловой Л.В. Общ. ред. Нарского И.С. М.: Прогресс, 1984. (Moore G. E. *Principia Ethica*. Russian translation).

Нерсесянц 1977 – Нерсесянц В.С. Сократ. М., Наука, 1977 (Nersesjants V. S. *Socrates*. In Russian).

Оссовская 1987 – Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987 (Ossovska M. *Ethos rycerski i jego odmiany; Moralność mieszczańska*, Russian translation).

Першиц 1979 – Першиц А.И. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979. С. 210–240 (Pershits A. I. *Problems of Normative Ethnography*. In Russian).

Primary Sources

Hacking, Ian (1983) *Representing and Intervening: Introductory Topics in the Philosophy of Natural Science*, Cambridge University Press, Cambridge.

Kohlberg, Lawrence (1981) “The Philosophy of Moral Development: Moral Stages and the Idea of Justice”, *Essays on Moral Development, Vol. I*, Harper & Row, San Francisco.

Merton, Robert K. (1965) “The Ambivalence of Scientists”, *Science and Society*, Rand McNally, Chicago.

Merton, Robert K. (1972) “The Institutional Imperatives of Science”, *Sociology of Science*, Penguin Books, London.

Merton, Robert K. (1973) *The Sociology of Science*, Chicago University Press, Chicago.

Piaget, Jean (1932) *The Moral Judgment of the Child*, Kegan Paul, Trench, Trubner and Co., London.

Sosa, Ernest (1991) *Knowledge in Perspective*, Cambridge University Press, Cambridge.

Ссылки – References in Russian

Гусейнов 2001 – Гусейнов А.А. Этика // Этика: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2001. С. 573–581.

Касавин 2015 – Касавин И.Т. Как возможна политическая философия науки? // *Epistemology and Philosophy of Science*. 2015, Т. 45. № 3. С. 5–15.

Максимов 2001 – Максимов Л.В. О когнитивизме Канта // *Этическая мысль*. Вып. 2. М.: ИФ РАН, 2001. С. 65–72.

Малиновский 2015 – Малиновский Б. Магия, наука и религия. М.: Академический Проект, 2015.

Мирская 2005 – Мирская Е.З. Р.К. Мертон и этос классической науки // *Философия науки*. Вып. 11. Этос науки на рубеже веков. М.: ИФ РАН, 2005.

Непейвода 2000 – Непейвода Н.Н. Прикладная логика. Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 2000.

Неретина, Огурцов 2010 – Неретина С.С., Огурцов А.П. Подвластная наука. М.: Голос, 2010.

Пружинин и др. 2016 – Пружинин Б.И., Автономова Н.С., Бажанов В.А., Грифицова И.Н., Касавин И.Т., Князев В.Н., Лекторский В.А., Махлин В.Л., Микешина Л.А., Ольхов П.А., Порус В.Н., Сорина Г.В., Филатов В.П., Щедрин Т.Г. Достоинство знания как проблема современной эпистемологии. Материалы «круглого стола» // *Вопросы философии*. 2016. № 8. С. 20–56.

Юдин 2018 – Юдин Б.Г. Человек. Выход за пределы. М.: Прогресс-Традиция, 2018.

References

Braudel, Fernand (1993) *A History of Civilizations*, Penguin Books, New York.

Callon, Michel (1994) “Is Science a Public Good?”, *Science, Technology & Human Values*. Volume 19, No. 4, pp. 395–424.

Editorial. (2018) “How to be Good”, *Nature*, 555, p. 5. http://inters.org/files/march_12018_nature.pdf

Fuchs, Stephan (1993) “Positivism is the Organizational Myth of Science”, *Perspectives on Science*, Vol. 1 (1993), pp. 1–23.

Guenin, Louis M. (2005) “Intellectual Honesty”, *Synthese*, Vol. 145, No. 2, pp. 177–232.

- Guseynov, Abdusalom A. (2001) "Ethics", *Ethics: Encyclopedic Dictionary*, Gardariki, Moscow. pp. 573–581 (in Russian).
- Judin, Boris G. (2018) *A Man. A Way beyond the Limits*. Moscow: Progress-Traditsiya, 2018 (in Russian).
- Kasavin, Ilya T. (2015) "How is Political Philosophy of Science Possible?", *Epistemology and Philosophy of Science*, Vol. 3 (2015), pp. 5–15 (in Russian).
- Kasavin, Ilya (2017) "Towards a Social Philosophy of Science: Russian Prospects", *Social Epistemology*, Vol. 1 (2017), pp. 1–15.
- Maksimov, Leonid V. (2001) *On Kant's Cognitivism // Ethical Thought*. Issue 2. Moscow: IFRAN, 2001. pp. 65–72 (in Russian).
- Malinovsky, Bronislaw (1948) *Magic, Science and Religion*, The Free Press, Illinois. (Russian translation).
- McDowell, John (1998) *Mind, Value, and Reality*, Harvard University Press, Cambridge.
- Mirskaya, Elena Z. (2005) "R.K. Merton and the Ethos of the Classical Science", *Philosophy of Science, issue 11. The Ethos of Science on the Edge of the Centuries*, IFRAN, Moscow. (In Russian).
- Nepeyvoda, Nikolay N. (2000) *Applied Logic*, UGU, Izhevsk.
- Neretina, Svetlana S., Ogurtsov Aleksandr P. (2010) *The Dependent Science*, Golos, Moscow (in Russian).
- Pruzhinin, Boris I., Avtonomova, Natalya S., Bazhanov, Valentin .A., Griftsova, Irina N., Kasavin Ilya T. and others (2016) "The Self-Integrity of Knowledge as a Problem of Modern Epistemology. Materials of 'Round Table'", *Voprosy Filosofii*, Vol. 8 (2016). pp. 20–56 (In Russian).
- Sismondo, Sergio (2010) *An Introduction to Science and Technology Studies*, Wiley-Blackwell, Singapore.
- Williamson, Timothy (2018) *Doing Philosophy: from Common Curiosity to Logical Reasoning*, Oxford University Press.

Сведения об авторе

КАСАВИН Илья Теодорович — член-корреспондент Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, руководитель сектора социальной эпистемологии Института философии РАН; заведующий кафедрой философии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Author's information

KASAVIN Ilya T. — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philosophy, Head of the Department of Social Epistemology at Institute of Philosophy, RAS; Philosophy Chair, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod.